

УДК 94(092)(470.41-25)"17"

**Екатерина Великая
и губернатор
А. Н. Квашнин-Самарин:
документы о путешествии
императрицы в Казань
в 1767 г.**

Е. Б. Долгов,

*Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

**Catherine the Great and
Governor A. N. Kvashnin-
Samarin: the documents
on the Empress's Journey
to Kazan in 1767**

E. B. Dolgov,

*The Institute of the Tatar Encyclopedia
and Regional Studies of Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В данной публикации собраны официальные документы, воспоминания и переписка современников путешествия императрицы Екатерины II по Волге в 1767 г., которые наиболее полно и подробно рассказывают о поездке российской царицы в Казань и успешном и плодотворном взаимодействии центральных и губернских властных институтов в решении различных общеимперских и местных вопросов управления страной.

Abstract

This publication contains the official documents, memoirs and correspondence of the contemporaries of the voyage of Empress Catherine II along the Volga in 1767, which most fully and in detail tell about the journey of the Russian empress to Kazan and the successful and fruitful interaction of central and provincial government authorities in solving various general imperial and local issues of governing the country.

Ключевые слова

Екатерина Вторая, А.Н. Квашнин-Самарин, Российская империя, путешествие по Волге, Поволжье, Казанская губерния, Казань, институт губернаторства, казанский губернатор.

Keywords

Catherine the Second, A.N. Kvashnin-Samarin, the Russian Empire, the journey along the Volga, the Volga region, the Kazan province, Kazan, the institution of the governorship, the Kazan governor.

История путешествия венценосной особы по российской провинции – это история своеобразного диалога верховной и местной властей для поиска эффективных форм управления такой обширной страны, как Россия. В результате данное коммуникативное поле являлось фактором, который корректировал и адаптировал правительственную политику великой державы к обстоятельствам и реалиям отдельного региона.

В данной публикации о визите императрицы в Казань 26 мая – 1 июня 1767 г. мы собрали официальные документы, воспоминания и переписку современников путешествия «Северной Семирамиды» по реке Волге в 1767 г.,

которые наиболее полно и подробно рассказывают о поездке российской царицы в Казань и успешном и плодотворном взаимодействии центральных и губернских властных институтов в решении различных общеимперских и местных вопросов управления страной. Речь идет о письмах самой Екатерины II, делившейся впечатлениями о путешествии с корреспондентами; а также «Повседневной записке походу Ея Императорского Величества в Казань» от 2 июня 1767 г. и «Повседневной записке обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия» от 14 июня 1767 г., опубликованных на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости»; «Церемониальном камер-фурьерском журнале 1767 года», «Экстракте из журнала плавания Ея Императорского Величества на галерах по реке Волге, от Твери до Симбирска, в 1767 году», «Дневнике» младшего брата фаворита В. Г. Орлова, записи устного рассказа нижегородского губернатора Я. С. Аршеневского «Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году: По материалам рукописного сборника XVIII в.», царских указах, предписаниях казанского губернатора и протоколах заседаний Казанской губернской канцелярии 1767 г.

Данные документальные источники убедительно свидетельствуют о том, что «поход» Екатерины Великой в Казань пробуждал у населения Поволжского региона мечты о великодушном просвященном самодержавии, пользующемся поддержкой благодарных и преданных сословий. Объединяющей силой здесь выступали узы взаимной любви, отчасти сложившиеся исторически, из традиционных отношений к царской власти, а отчасти обязанный поступкам и обаянию самой «матери Отечества» – Екатерине Великой*.

№ 1. Из предписания казанского губернатора А. Н. Квашнина-Самарина от 19 октября 1766 г.

Для высочайшего Ея Императорского Величества пребывания в Казани назначенной дом директора [И. П.] Осокина [...] в покоях обоями и протчим украшением [...] и во всем исправить так, как [...] есть пристойно и надлежит. [...]

Собрание документов, касающихся посещения Екатерины II г. Казани (1767 г.) и пребывания Е. И. Пугачева в Казани (1774 г.) // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 1.

№ 2. Из протокола заседания Казанской губернской канцелярии от 11 мая 1767 г.

По предложению Его Превосходительства господина действительного статского советника и Казанской губернии губернатора Андрея Никитича Квашнина-Самарина, коим предлагает, что для встречи Ея Императорского Величества имеет Его Превосходительство [...] отправиться до границы здешней губернии до города Василя** Казанской губернии с губернаторским товарищем полковником [И. В.] Лихачевым [...] и во время отсутствия его, по всем челобитчиковым [...] и интересным делам производство и решение чинить на основании законов, а когда именны

* Подробнее о путешествии Екатерины II в 1767 г. в Казанскую губернию см.: Долгов Е. Б. Екатерина II и Казанская губернская администрация во второй половине XVIII столетия // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 2. – С. 63-82.

** Имеется в виду город Васильсурск.

или из Правительствующего Сената указы на имя его получены будут, оные нарочным, не мешкая немало о присылке к Его Превосходительству и о прочем. [...]

Собрание документов, касающихся посещения Екатерины II г. Казани (1767 г.) и пребывания Е. И. Пугачева в Казани (1774 г.) // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 3.

№ 3. Из экстракта из журнала плавания Ея Императорского Величества на галерах по реке Волге от Твери до Симбирска 1767 г.

[...] 26-го мая. По полуночи в половине 3 часа, снявшись с якоря, пошли в путь на гребле. В половине 12 часа, прошед по реке 70 верст, для обеденного стола, пришед к лежащей на нагорной стороне деревни Маркваша, легли на якорь. В 4 часа по полудни, снявшись с якоря, пошли в путь греблею. В начале 7 часа, прошед по реке 15 верст, пришед к городу Казани, легли на якорь, а в половине того же часа Ея Императорское Величество соизволила отбыть с галеры на шлюпке в город Казань.

27-31-го мая. Ея Императорское Величество соизволила иметь свое присутствие в городе Казани.

1-го июня. По полуночи в половине 11 часа Ея Императорское Величество из города Казани соизволила возвратиться на галеру. В 1 часу по полудни, снявшись с якоря, пошли в путь греблею. В исходе 9 часа, прошед по реке 23 версты, для вечернего стола и ночного времени, против лежащего на нагорной стороне села Шеланга легли на якорь.

2-го июня. По полуночи в половине 4 часа, снялись с якоря и пошли в путь под парусами. В половине 10 часа, прошед по реке 50 верст, для обеденного стола, не дошед немного села Корельского, легли на якорь. В половине 2 часа по полудни, снявшись с якоря, пошли в путь греблею. В начале 5 часа, прошед по реке 22 версты до пристани Богородской, где легли на якорь, а Ея Императорское Величество изволила сесть в шлюпку и отбыть на Богородскую пристань, откуда шествие имела в город*. [...] В 8 часов Ея Величество соизволила [...] возвратиться на галеру, а в исходе того же часа, снявшись с якоря, пошли в путь греблею. [...]

Бильбасов В. А. Исторические монографии. – СПб., 1901. – Т. 3. – С. 253-254.

№ 4. Из церемониального камер-фурьерского журнала 1767 г.

[...] 24-го числа [мая 1767 года.] [...] в шествие [...] мимо Василесурского городка встретили Ея Императорское Величество казанский губернатор [А. Н.] Квашнин-Самарин, и с ним: товарищ [И. В.] Лихачев, генерал-майор [А. И.] Миллер и казанского адмиралтейства [...] главный командир [А. В.] Елманов (то есть начало Казанской губернии)**, и приехали оные на галеру*** и приносили Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения, с поздравлением благополучного Ея Величества путешествия, и жалованы к руке.

В 12-м часу п[е]ред полуднем соизволила указать стать на якорь, не доезжая 3-х верст города Козьмодемьянска; и по сигналу вся галерная эскадра стала на якорь, где и обеденное кушанье изволила кушать, при котором столе находились вышеупомянутый губернатор с прочими. И подъезжали к галере, принося [...] всеподданнейшие поклонения [...] города Козьмодемьянска воевода, [...] купечество. [...]

* Имеется в виду г. Булгар.

** Так в документе.

*** Имеется в виду галера «Тверь».

Пополудни в начале 4-го часа Ея Величество соизволила указать сниматься с якорей, и по сигналу вся галерная эскадра [...] путь. [...]

25-го числа в пятницу поутру в начале 4-го часа [...] галерная эскадра [...] продолжала путь.

В 7-м часу [...] приблизились к городу Чебоксару, против которого вся галерная эскадра стала на якоря.

И в 9-м часу Ея Императорское Величество с галеры «Тверь» со всею своею свитою, при играни от эскадры на трубах с литавры, изволила идти в шляпках на берег к пристани, которая вновь [...] построена была изрядною столярною работою и устлана красным сукном, а в городе у всех церквей был колокольный звон.

На пристани встречена Ея Величество казанским губернатором и того города воеводою и тамошним [...] дворянством и купечеством. [...] И в сопровождении генералитета и дворянства следовать изволила к [...] монастырю Живоначальных Троицы. [...] Следовала того монастыря в соборную церковь. [...] Изволила шествовать в каретах ч[е]рез город к роще дубовой [...], где изволила несколько времени прогуливаться. [...] Оттуда возвратилась обратно и проехала к пристани, а с оной в шляпках на галеру. [...] В 2 часа пополудни [...] вся галерная эскадра, снявшись с якорей, продолжала путь. [...]

26-го числа, в субботу, по утру [...] вся галерная эскадра [...] продолжала путь; и мимо [...] города Свияжска выехало тамошнее купечество и, подъезжая к галере, приносило [...] всеподданнейшие поклонения. [...] В исходе 11-го часа п[е]ред полуднем [...] галерная эскадра стала на якорь против деревни Моркваши. [...]

В 4-м часу пополудни [...] вся галерная эскадра [...] продолжала путь к городу Казани.

И как галерная эскадра вступила в реку Казанку и начала приближаться к [...] Казанскому адмиралтейству [...], то на всех галерах был бит марш похода и от состоящего у того Адмиралтейства фронта отдаваема Ея Императорскому Величеству честь.

Приближаясь же к городу, то из поставленных у городских стен пушек началась пушечная пальба и у всех святых церквей колокольный звон. И выехав несколько тамошнего купечества в лодках и подъезжая к галере, приносило Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения. И вся галерная эскадра по высочайшему Ея Императорского Величества повелению легла на якорь в исходе 7-го часа пополудни ж против пристани, которая для высочайшего прибытия построена была столярною работою и устлана красным сукном, и около одного усыпаны разные цветы.

По установлении эскадры на якоря, Ея Императорское Величество с галеры «Тверь» со всею своею свитою изволила следовать в шляпках к вышеупомянутой пристани; то [тогда] от всей галерной эскадры и с города производима была пушечная пальба и отдаваема от эскадры честь игранием на трубах с литавры, а от матросов и от состоящего на берегах многочисленного народа восклицаемо было «ура».

По прибытии на пристань, встречена Ея Императорское Величество на нижней площадке того города губернатором и с ним комендант [...]; а на верхней площадке по правой стороне стояли дамские персоны, а по левой штаб- и обер-офицеры, тамошнее дворянство и купечество, и все приносили Ея Императорскому Величеству всеподданнейшие свои поклонения с поздравлением благополучного Ея Величества прибытия.

С пристани Ея Величество шествовала в каретах в город в первые Тайнинские ворота, и от оных ворот до ворот же Спасских по обеим сторонам улицы стоял тамошний гарнизон под команду коменданта и отдавал Ея Величеству честь с преклонением знамен.

Ея Императорское Величество соизволила прибыть к соборной церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, где встретил Ея Величество [...] Вениамин, архиепископ казанский и свияжский, с архимандриты и прочим духовенством в облачении, со святыми кресты и иконами, и по обеим сторонам стояли семинаристы в белом одеянии, имея на головах сплетенные из лавровых листьев наподобие венцов, а в руках держа ветви. По выходе Ея Величества из кареты, вышеупомянутый преосвященнейший [...] говорил поздравительную речь; по окончании оной, приложась Ея Величество животворящему кресту, в предшествии духовной процессии следовала в соборную церковь и прикладывалась святым иконам и мощам Преподобного Гурия; по сем изволила слушать молебное пение и, окончив [...] моление, изволила шествовать в каретах же в дом купца Ивана Осокина (который дом для высочайшего прибытия был приуготовлен и убран великолепно).

Вшествие ж [...] в триумфальные ворота, которые нарочно вновь построены были для высочайшего Ея Императорского Величества присутствия и украшены оные великолепно портретами и прочим живописным художеством, с изображением благополучного Ея Величества прибытия, и описание оных ворот раздаваемы были печатные книжки; а при въезде в оные ворота, из поставленных у оных пушек производилась пальба.

От триумфальных ворот до дома Осокина стоял Санкт-Петербургский полк [...] и отдавал Ея Величеству честь с приуклонением знамен и игранием музыки на трубах.

Во время высочайшего шествия как с пристани к соборной церкви, так и оттуда в помянутый дом, все улицы и по домам в окнах и на крышах, також по валу Земляного города и по городским каменным стенам как живущими тамошними российскими и татарами, так и из дальних мест приезжими обоего пола наполнено многочисленного народа, и карета Ея Величества окружаема была, что с нуждою идти было возможно и от искренних сердец, ставая на колени, восклицали «ура».

По прибытии Ея Величества в помянутый дом, у крыльца встретил того дома хозяин. [...] И Ея Величество, пожаловав к руке хозяина, изволила проходить в покои и слушать всенощного бдения; по сем вечернее кушанье изволила кушать в 27-ми персонах.

27-го числа, в воскресенье, в день праздника Живоначальные Троицы, поутру в 10-ть часов собрались в комнаты генералитет и дворянство, и в 12-м часу п[е]ред полуднем Ея Императорское Величество из внутренних комнат изволила выдти; тогда от [...] собравшихся приносимо Ея Величеству поздравление со днем праздника, и Ея Величество в препровождении всего генералитета и дворянства, в каретах шествовать изволила в соборную церковь, где встретил Ея Величество преосвященнейший Вениамин с знатным духовенством. [...] И приложась Ея Императорское Величество кресту, следовала в церковь и изволила слушать божественную литургию с большою вечернею. [...] По окончании ж всей божественной службы, из церкви удостоила высочайшим своим посещением преосвященнейшего, быть в его келиях, и в то время преосвященнейшим поднесена Ея Императорскому Величеству святая икона Благовещения Пресвятыя Богородицы [...], и Ея Величество [...] преосвященнейшего и с ним знатное духовенство к руке жаловать изволила; по сем возвратилась обратно во дворец. В шествие ж, как в соборную церковь, так и обратно, подле триумфальных ворот по обеим сторонам стояли татары и черемисы с женами и дочерьми во всем их богатом платье. [...]

По прибытии во дворец всемиловейшее к руке жаловать изволила: [...] Спасского монастыря архимандрита Иеронима [...], тамошнего губернатора

и прочих генералитетов, [...] дворянство казанское и свияжское, [...] тамошнего Адмиралтейства офицеров. При сем обеденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать с прибывшими в свите своей и тамошнего генералитета в 39-ти персонах. [...]

Пополудни в 7-м часу [...] собрались в комнаты дворянства их жены и дочери; и как Ея Величество из внутренних апартаментов изволила выдти и вышеупомянутых собравшихся к руке жаловать изволила. По пережаловании оных изволила иметь выход в таратайках на поле, называемое Арское, где всегда в оный праздник бывает для гуляния множество народа, а в то время бесчисленное находилось, и проезжала мимо состоящих на том поле качель; и возвратясь обратно в исходе 9-го часа, вечернее кушанье изволила кушать в 19-ти персонах. Как при обеденном, так и при вечернем столе играла музыка на валторнах и кларнетах.

28-го числа, в понедельник, [...] п[е]ред полуднем в 11-м часу Ея Императорское Величество со всею своею свитою шествовать изволила в каретах в девичий монастырь Казанский, где икона чудотворной Пресвятыя Богородицы Казанския; и у святых врат встретили Ея Величество преосвященнейший Вениамин с знатным духовенством [...] и того монастыря игуменья Евдокия с сестрами. [...] И приложась Ея Величество к кресту, [...] шествовала в церковь и слушать изволила божественную литургию. [...] По окончании ж всего изволила прикладываться святым иконам и, окончив [...] моление, шествовать изволила из церкви; и в то время внутри монастыря собравшись, соборные и других церковей священники приносили Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения при поднесении ими святой иконы [...] Великомученицы Екатерины, и оное духовенство Ея Величество изволила жаловать к руке.

По прибытии Ея Императорского Величества во дворец, всемилостивейшее к руке жаловать изволила [...] казанской губернской канцелярии присутствующих под предводительством губернатора, [...] тамошнее купечество при поднесении ими хлеба и соли, [...] того города купечества жен и дочерей, [...] кунгурское [...], слободское [...], свияжское купечество.

При сем обеденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать в 35-ти персонах; в продолжении стола играно на валторнах и кларнетах.

Пополудни в 8-ом часу, по выходе Ея Величества из внутренних апартаментов, собравшихся в покои дворянских жен [...] изволила жаловать к руке. По сем Ея Императорское Величество изволила шествовать в каретах для смотрения суконной фабрики. По прибытии туда встречена Ея Величество содержателем той фабрики Дрябловым и его фамилиею. [...] И Ея Величество изволила быть во всех светлицах и смотреть делающихся на оной сукон. [...] И осмотрев Ея Величество всего, упомянутого Дряблова и его фамилию к руке, изволила возвратиться обратно во дворец; по прибытии с кавалерами изволила забавляться в шахматы. [...]

29-го числа, во вторник, п[е]ред полуднем в начале 12-го часа, Ея Императорское Величество из внутренних апартаментов изволила выдти и тамошней гимназии учителей жаловать к руке; потом обеденное кушанье Ея Величество изволила кушать в 28-ми персонах; в продолжении стола играно на валторнах и кларнетах.

Пополудни в 8-м часу Ея Величество изволила шествовать в каретах на Арское поле к лежащему на оном лагерю Санкт-Петербургского полка. По прибытии туда от всего полка отдаваема Ея Величеству честь с приуклонением знамен, битьем в барабаны и игранием на трубах. По выходе Ея Величества из кареты, изволила проходить в поставленную нарочно для высочайшего прибытия палатку, из которой и смотреть изволила военной экзерции с пушечною и ружейною пальбою; после оной тот полк маршировал мимо той палатки в свой лагерь и отдавал Ея

Величеству честь; потом пришел в помянутую палатку того полка полковник и с ним штаб- и обер-офицеры, и засвидетельствовала Ея Величество им высочайшее свое удовольствие и подчиваны были. [...] По сем Ея Величество изволила возвратиться обратно во дворец. [...] По прибытии [...] в покои [...] изволила с кавалерами забавляться в шахматы. Вечернее кушанье Ея Величество изволила кушать в 18-ти персонах; в продолжении стола играно на валторнах и кларнетах.

30-го числа, в среду, [...] обеденное кушанье Ея Величество изволила кушать в 28-ми персонах; в продолжении стола играно на валторны и кларнеты.

Пополудни в начале 6-го часа, по выходе Ея Императорского Величества из внутренних апартаментов, представлены были к Ея Величеству [...] губернатором живущие в Казани старой слободы абазы татары и их жены, коих Ея Величество к руке жаловать изволила. [...]

По пережаловании вышеупомянутых к руке соизволила шествовать в каретах в семинарию, где у крыльца той семинарии встретил Ея Величество преосвященнейший с знатным духовенством, а по обоим сторонам крыльца стояли семинаристы в белом одеянии с лавровыми ветвями, и пели вновь сочиненные стихи. И Ея Величество, в предшествии [...] духовенства и семинаристов, следовала в церковь во имя Входа в Храм Пресвятой Богородицы, в которой семинаристами [...] на русском и [...] на греческом и латинском диалектах говорены вновь сочиненные в виршах речи; а после их той же семинарии учитель при поднесении им Ея Императорскому Величеству оды говорил поздравительную речь. Потом как учителя, так и семинаристов и некоторых священников Ея Величество пожаловав к руке, в препровождении ими шествовала к карете и. сев в оную, следовала в подгородный дом преосвященнейшего, именуемый Ивановское, в расстоянии от города в 5-ти верстах, где встретил Ея Величество преосвященнейший, с ним знатное духовенство; а по обеим сторонам внутри двора стояли учащиеся в школах малолетние татары, мордва, чуваша, черемисы и вотяки, которые пели «Царю Небесный» и держали в руках зеленые ветви. По прибытии Ея Императорского Величества в келии, [...] Ея Величество изволила кушать кофе, [...] потом Ея Величество изволила проходить в сад и прогуливалась в оном. По возвращении из сада обратно в келии представлены были к Ея Императорскому Величеству учащихся в школах татар малолетних 6-ть человек, которые говорили [...] сочиненные в виршах речи и подносило было Ея Величеству от всего их училища Распятие Христово [...], и те малолетние жалованы к руке. При сем засвидетельствовала Ея Императорское Величество преосвященнейшему высочайшее свое удовольствие [...] и изволила иметь отсутствие в тарантайках обратно в город и проезжала в городе улицами, где жительство имеют татары.

По прибытии во дворец в 10-м часу, вечернее кушанье изволила кушать в 27-ми персонах; в продолжении стола играно в валторны и кларнеты.

31-го числа, в четверг, обеденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать в зале в 36-ти персонах; в продолжение стола играно на валторнах и кларнетах.

А пополудни в начале 7-го часа представлены были к Ея Императорскому Величеству тамошним губернатором живущие в Казани новой слободы абазы татары и их жены, коих Ея Величество к руке жаловать изволила, и подносило было от них [...] весь их богатый женский убор и два ковра.

По сем Ея Величество со всею своею свитою изволила шествовать в подгородный дом тамошнего губернатора, куда приглашены были тамошние знатные обоего пола. По прибытии Ея Величества в упомянутый дом, у крыльца встречена того дома хозяином с фамилиею и всеми тамошними гостями, и Ея Величество

изволила проходить в покои; и п[е]ред теми для увеселения собраны были татары, чувашы, мордва, черемисы и вотяки с женами, которые плясали, каждая порознь, при том играла их татарская музыка с припевами. Потом в оном доме для знатного дворянства и купечества начался маскарад; и в продолжение того маскарада Ея Императорское Величество изволила забавляться в карты и в маскарадном платье быть не изволила. Вечернее кушанье Ея Величество изволила кушать в 19-ти персоннах. По окончании стола против одного ж дома зажжен был немалый фейерверк и описания одного раздаваны были книжки; по окончании ж фейерверка продолжала Ея Величество время в помянутом доме до 1-го часа пополудни и, засвидетельствовав высочайшее свое удовольствие хозяину и его фамилии и пожаловав к руке, изволила отбыть во дворец.

Во время высочайшего Ея Императорского Величества продолжающегося присутствия в Казани мая с 26-го июня по 1-е число, каждый вечер за полночь п[е]ред дворцом построен был щит и украшен живописными картинами и зажжены внутри плошки, а описания одного раздаваемы были письменные книжки, и в городе дома были иллюминированы.

[...] [Июня] 1-го числа, в пятницу, поутру в 10-м часу Ея Императорское Величество высочайше соизволила предпринять отсутствие из Казани, а собравшиеся в комнаты генералитет и знатное обоего пола дворянство приносили Ея Величеству всеподданнейшие свои поклонения с желанием от искренних сердец благополучного путешествия, и некоторые жалованы к руке.

По выходе Ея Величества из покоев, сев в карету, шествовать изволила к пристани, провожаема генералитетом и дворянством и многочисленным народом, и карета Ея Величества окружаема была бегущим гражданством так, что с нуждою и карете идти было возможно, и все восклицали «ура», и в городе производилась пушечная пальба и колокольный звон, а на пристани по обеим сторонам стояли дворяне и купечество обоего пола.

С пристани Ея Величество изволила следовать в шлюпках на галеру, при играх от эскадры на трубах с литавры.

По прибытии на галеру соизволила указать сниматься с якорей, и по сигналу вся галерная эскадра снялась с якорей и продолжала путь [...], и в то время на пристани генералитет и все дворянство и по берегам наполненный многочисленный народ восклицали «ура» и все желали благополучного Ея Императорскому Величеству путешествия; а в городе паки чинена была пушечная пальба, потом с галеры «Тверь» отдали честь городу девятью пушечными выстрелами. Мимо следующего Зилантьева монастыря подъезжал к галере того монастыря игумен и подносил Ея Величеству святую икону [...], и Ея Величество того игумена изволила жаловать к руке.

В шествии ж мимо Адмиралтейства от состоящего фронта отдаваема Ея Величеству честь; а на пристани [...] восклицали «ура»; рекою Казанкою до реки Волги провожало Ея Императорское Величество множество народа в лодках, и едущие в лодке обучающиеся в школах малолетние татары пели вновь сочиненные стихи. [...]

[...] 2-го числа, в субботу, поутру в 4-м часу вся галерная эскадра [...] продолжала путь. Ея Императорское Величество с галеры «Тверь» соизволила следовать в шлюпке [...] на устье реки Камы. [...]

Пополудни в 3 часа [...] вся галерная эскадра [...] продолжала путь.

И приближаясь к городу Болгары Ея Императорское Величество соизволила указать против одного стать на якорь. По установлении эскадры на якорь, Ея Величество с галеры «Твери» со всею своею свитою изволила идти в шлюпках на берег к пристани, которая вновь для высочайшего прибытия построена была,

и от пристани изволила следовать к помянутому городу [...], и сначала до 4-х верст следовала пешком, а потом в каретах. По прибытии в означенный город встретили Ея Величество тамошнего монастыря [...] игумен Палладий с братиею [...] при колокольном звоне. И Ея Величество, приложась к кресту, в предшествии духовенства следовала того монастыря в соборную церковь и изволила слушать молебного пения; потом прикладывалась святым иконам и, пожаловав духовенство к руке, из церкви следовала и смотреть изволила каменного строения, которое еще в древнейших годах строено было. Осмотрев оное, шествовала в каретах обратно к пристани, а оттуда в шляпках на галеру; по прибытии на оную соизволила указать сниматься с якорей и продолжала путь. [...]

Церемониальный камер-фурьерский журнал 1767 года. – СПб., 1855. – С. 170-198.

№ 5. Из повседневной записки походу Ея Императорского Величества в Казань от 2 июня 1767 г.

Прошедшего месяца 26 числа в 3 часа пополудни, подняв якоря, продолжали путь [...] до деревни Моркваши, отстоящей в 13 верстах [...] от Казани. Во время шествия мимо города Свияжска слышно было, как от собравшегося на берегу народа восклицание троекратного «ура!», так и колокольной у всех церквей звон. Ея Императорское Величество [...] повелеть изволила поднять якоря и приближаться к Казани. Галеры, оставя Волгу в правой руке, зачали входить в 5 часу в Казанку, текущую при подошве города, и, проходя мимо находящегося в семи верстах от Казани Адмиралтейства, били поход и играли на трубах, когда от поставленного тамо строя солдат отдаваема была обыкновенная честь. А как скоро с города они усмотрены стали, то началась пушечная пальба. В исходе седьмого часа остановились они на якорь против нарочно сделанной усанной красным сукном и усыпанной цветами пристани. Ея Императорское Величество, сошед с галеры, изволила при пушечной с города и галер пальбе и при игрании на трубах похода пойти в шляпке к пристани. На нижней оной площади встретил Ея Величество казанский губернатор с комендантом и знатнейшими города особами [...]; а на другой площади той же пристани стояли вышедшие на встречу по одну сторону множество дам, а по другую – штаб- и обер-офицеры, дворянство и купечество, которые мимо идущую самодержицу с изображающеюся на лицах их несказанною радостью всеподданнейше с благополучным прибытием поздравляли. У пристани сев Ея Величество в предуготовленную карету, изволила пойти сквозь Тайнитские ворота в город прямо к соборной Благовещения Пресвятыя Богородицы церкви. Губернатор казанский и прочий генералитет ехали у кареты. А многие дворяне п[е]ред каретой верхами. От Тайнитских ворот даже до Спасских стоящие в строю гарнизонные батальоны под командою коменданта казанского отдавали честь уклонением знамен с музыкою и барабанным боем. Многочисленный собор духовенства, предводимый преосвященным архиепископом Вениамином казанским и свияжским, в служебном облачении ожидал Ея Величество у ворот ограды церковной, а жадный видеть монархиню свою народ, невместившийся ни на улицах, ни на кровлях, ни в окнах, преследуя многочисленными толпами карете, смешанными от невместимой в сердце радости восклицаниями, едущую приветствовал государыню. По прибытии к собору Преосвященный, оградив животворящим крестом, говорил поздравительную с вожденным Ея Величества прибытием речь, которая в прекрасных выражениях заключала великое и неудобоизъясненное города Казани о пришествии Ея Величества веселие.

По окончании оной речи Ея Императорское Величество, приложась к животворящему кресту, изволила идти в церковь за предшествуемым со святыми иконами собором; а между тем по обеим сторонам пути стоящие в белых одеждах и ветви в руках, а на головах венцы имеющие семинаристы пели нарочно к прибытию сочиненные стихи. По возглашении многолетия, Ея Величество, приложась к святым иконам и мощам Преподобного Гурия, тем же порядком изволила пойти к карете в приготовленной и достойно для пребывания ея прибранной дом купца Ивана Осокина. Шествие было сквозь нарочно сооруженные торжественные ворота. Но не можно притом умолчать и того, что они столько великолепием и огромностию целому городу, сколько распоряжением и аллегоричными вымыслами изобретателю оных надворному советнику господину [Ю. И.] Каницу чести приносят.

По всшествии Ея Величества в объявленные торжественные ворота зачалась снова из 101 орудия пушечная пальба; а от стоящего от ворот до дома Осокина в строю по обеим сторонам улицы Санкт-Петербургского пехотного полку отдаваема была обыкновенная с уклонением знамен честь. Между тем такое множество различного одеяниями и верами, но единодушно восклицающего народа видно было, что казалось, будто Азия с Европою соединяясь, на встречу Ея Величеству вышли. По прибытии в объявленной дом изволила всемилостивейшая государыня слушать заутреню в своих покоях; ибо назаутрее был праздник Живоначальный Троицы. К вечернему столу приглашен был губернатор с его супругою.

27 числа поутру в 10 часов собрались ко Двору для поздравления и с благополучным прибытием и с праздником как находящейся в Казане генералитет, так штаб-и обер-офицеры и дворянство; а Ея Императорское Величество, вышед из покоев своих, изволила пойти в карете в соборную церковь к обедни. Преосвященный, встретив со всем собором у крыльца, предшествовал п[е]ред Ея Величеством, и потом служил божественную литургию, по окончании которой Ея Величество по природному своему снисхождению соизволила удостоить преосвященного своим посещением, и, быв у него, всемилостивейшее жаловала как его самого, так и знатное духовенство к руке. По прибытии обратно в дом Осокина допущены были к руке следующие особы: [...] Спасского монастыря архимандрит Иероним, [...] губернатор и с ним находящейся в Казане генералитет, [...] дворянство казанское и свияжское, [...] адмиралтейства Казанского офицеры под предводительством их главного командира. При сем был великий стол в зале, к которому кроме генералитета и штаб-офицеров приглашены были Преосвященный казанский и свияжский и три архимандрита.

Пополудни в 6 часов собрались ко Двору все живущие в городе и съехавшиеся к прибытию Ея Величества из окрестных в оной селений благородные жены и девицы таким множеством; как и в самых престольных городах не всегда случается. Ея Величество, вышед из внутренних покоев, всемилостивейшее изволила всех их жаловать к руке; а потом пойти в каретах на поле, называемое Арское, где по древнему обыкновению установлены разные народные в сии дни игры. Народ повсегодно многочисленными толпами туда стекается, а ныне тем паче, чтоб иметь счастье видеть милосердную свою самодержицу, толь великое множество оного было, что почти ни проехать, ни пройти не можно было. Оттуда возвратясь, изволила Ея Величество ужинать в зале за большим столом.

28 числа пополудни в 11 часу соизволила Ея Императорское Величество, вышед из своих покоев, пойти к литургии в Казанский девичий монастырь, где чудотворная Пресвятая Богородицы Казанския находится икона. У святых врат оного монастыря встретил Ея Величество приготовляющейся к служению литургии преосвященный Вениамин казанский со множеством духовенства, и игуменья

с сестрами. По окончании литургии, в обыкновенное время говорена проповедь архимандритом казанского Спасского монастыря Иеронимом; а потом совершенно и молебное о всевысочайшем Ея Величества здравии пение. Всемиловитейшая государыня на вечный знак бытия своего в Казане изволила из особого благоговения приложить к чудотворному Пресвятыя Богородицы образу бриллиантовую корону, а к вместию с правой руки царских врат Спасителю корону ж с голубыми яхонтами и бриллиантами.

По прибытии в вышеупоминаемый Осокина дом изволила жаловать к руке: [...] Казанской губернской канцелярии всех присутствующих, [...] казанское купечество, [...] купецких жен и дочерей, [...] кунгурское купечество, [...] слободское купечество, [...] свияжское купечество. По сем изволила кушать за большим столом, по окончании которого препроводила весь день в своих внутренних покоях, трудясь по всегдашнему своему обыкновению в делах, блаженство подданных ея устрояющих, а паче подавая губернатору казанскому наставления к поправлению города Казани, которого часть имела несчастье недавно выгореть.

В 8 часу пополудни соизволила неутомленная государыня пойти для осмотра Казанской суконной содержателя [И. Ф.] Дряблова фабрики, которую осмотрев и оказав благоволение свое содержателю, изволила возвратиться и кушать вечернее кушанье за большим столом.

29 числа, все утро даже до стола обеденного препроводила Ея Величество, преподавая решения на разные [...] представления. Из сего видно, что все мысли и намерения сего путешествия нашей трудолюбивой и попечительной монархини в тот только один предмет устремлены, чтоб польза и благополучие ей врученных от Всевышнего народов, поелику можно, к совершенству приходили.

Пополудни в 8 часу соизволила Ея Величество пойти в каретах на Арское поле, где Санкт-Петербургской пехотной полк, в строй для военного учения поставленный, ожидал ея прибытия. Всемиловитейшая государыня, прибыв к разбитой нарочно ставке, изволила из оной смотреть учение того полка. Должно отдать справедливость, что господин полковник князь [Ю. В.] Долгорукой показал при сем случае как свое собственное в военном искусстве знание и к службе прилежность, так и исправность всех своих штаб- и обер-офицеров и рядовых; чем конечно по достоинству приобрел и Ея Императорского Величества всевысочайшее благоволение и от всех зрителей похвалу. Полк под предводительством его по окончании учения и стрельбы проходил в совершенном порядке мимо ставки Ея Величества, отдавая обыкновенную с уклонением знамен честь. По сем все штаб- и обер-офицеры позваны были к ставке, и Ея Величество всемиловитейшее к руке жаловать их изволила; а от Двора подчиваны они винами и десертом, приготовленным нарочно для того в ставке. По возвращении в дом пребывания Ея Величества, был обыкновенный вечерний большой стол.

30 числа, препроводив Ея Императорское Величество все утро в обыкновенных своих трудах по делам государственным, а паче касательно до губернии Казанской, изволила выйти из внутренних покоев в 12 часу пополудни и представленного ей [...] сына хана киргизского, всемиловитейшее допустив к руке, соизволила пожаловать усыпанными бриллиантами часами.

Пополудни в 5 часов собрались в прихожие комнаты живущие в Старой Татарской слободе абызы, татары и их жены и дочери. А Ея Величество, вышед в 6 часу из своих покоев, по матерному ко всем подданным снисхождению, соизволила всех представляемых казанским губернатором жаловать к руке, потом изволила пойти в каретах в Казанскую семинарию. У крыльца сего училища встретил Ея Величество преосвященный Вениамин с учителями; а стоящие по обе стороны

крыльца в белой одежде и с масляными ветвями в руках семинаристы пели приветственные стихи. Ея Величество препроводима Преосвященным изволила войти в церковь, где семинаристами говорены поздравительные стихи на русском, греческом и латинском языках, а учителем семинарии поднесена ода при кратком от всей семинарии слове. Отсюда соизволила Ея Величество пойти провождаема многочисленным народом на загородный дом преосвященного Вениамина, расстоянием от Казани в 5 верстах. Преосвященный, ближайшим путем уже туда приехав, успел с первенствующим монашеством встретить всемилостивейшую свою гостью у крыльца с пением от учащихся тамо малолетних татар, чуваш, черемис и вотяков «Царю небесный утешителю» и проч. По всшествии Ея Величества в покои, представлены были ученики, которые на [...] языках русском, татарском, вотякском, чувашском, черемисском и мордовском говорили благодарственные речи за прилажаемое о просвещении их Ея Императорского Величества матернее попечение.

Ея Императорское Величество, оказав особое Его Преосвященству о всем благоволение, изволила проехать оттуда в татарские слободы, чтоб видеть образ их строения и жития, и, не выходя нигде из карет, возвратиться в дом свой, где обыкновенный большой вечерний был стол.

31 числа поутру соизволила Ея Величество рассматривать план города Казани и высочайше определить, какому быть на пожарище того города строению; а притом учинила участником изливаемых от нея щедрот хозяина того дому, в котором пребывание свое имеет, пожаловав на всегдашний знак всемилостивейшего своего благоволения жене его бриллиантовое перо.

А как задолго еще губернатор казанский господин [А. Н.] Квашнин-Самарин всеподданнейше Ея Величество просил к себе на маскарад и ужин: то сей день к тому и назначен был. Ея Императорское Величество, вышед пополуночи в шестом часу из своих покоев, изволила жаловать к руке татар и их жен, живущих в Новой Татарской слободе; а потом, сев в кареты, пойти в приготовленной к объявленному от губернатора торжеству загородной дом. Все было к достойному толь великой гостии и государыни принятию готово, и хозяин с семьею своею и с множеством знатных обоого пола особ встретил Ея Величество у крыльца, принося всеподданнейшее благодарение за толь снисходительную Ея Величества милость. Вошед в преизрядно убранные покои, соизволила Ея Величество смотреть из окон на разные пляски разных ея державе подданных народов, кои как различием одеяний, так и различием образ пляски, приятное составляли зрелище. Всех их было пять народов, а именно: татар с татарками; чуваш с чувашками; мордва с мордвянками и черемисы с черемисками. У каждого из них была собственная музыка, различию пляски их соответствующая. По сем в девять часов стало дворянство обоого пола съезжаться на маскарад, которой и начался в десять, а продолжался до 5 часа пополуночи. Масок богатых и великолепных было до двухсот пятидесяти. При чем благопристойность поведения и искусство в танцевании ясно свидетельствовали, что дворяне казанские в благонравии и воспитании нисколько живущим в престольных городах не уступают. Между тем Ея Императорское Величество в 11 часов кушать изволила. Стол был велик, великолепен, вкусен и достоин всевысочайшей гостии и усердия хозяина. По окончании стола зажжен был п[е]ред домом немалой и прекрасной фейерверк. Сие необычайное и в первый раз пред глаза казанского народа представленное зрелище сколько приятностию разнообразных огней восхищало, столько новостию своею удивляло многочисленное собрание народа, которой восклицаниями доказывал произведенную в нем с ужасом радость. По сожжении фейерверка Ея Императорское Величество, оказав особое хозяину и хозяйке свое удовольствие и благоволение, изволила в час пополуночи возвратиться в город. Но бал [...]

продолжался еще четыре часа по отбытии Ея Величества. Сим окончался последний день достопамятного пребывания Ея Императорского Величества в Казане; ибо 1 число июня назначено было к отшествию. Во все время бытия Ея Величества в сем городе, кроме аллегоричной п[е]ред домом Осокина иллюминации. Был повсеночно весь город преизрядно иллюминирован.

Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – № 58. – 20 июля.

№ 6. Из повседневной записки обратного Ея Императорского Величества из Казани в Москву путешествия от 14 июня 1767 г.

Сего месяца [июня] 1 числа в день назначенной к отшествию Ея Императорского Величества из Казани, собрались как генералитет, штаб– и обер-офицеры, так и все знатное казанское дворянство в 10 часов пополудни ко двору для засвидетельствования усердного своего желания о благополучном возвращении всемилостивейшия своей государыни, и для принесения всеподданнейшия благодарности за понесенные толь великие на посещение сего отдаленного города к благоденствию его и окрестных обитателей в путешествии труды. В 11 часу изволила Ея Величество отправиться в карете к пристани в сопровождении генералитета, дворянства и многочисленного народа при пушечной пальбе и колокольном у всех церковей звоне. Когда Ея Величество изволила себе в шляпке пойти к своей галере, тогда от всей галерной эскадры отдаваема была честь игранием на трубах и литаврах; а народ, стоящий на берегу и на пристани, в неисчислимом множестве обоего пола людей, изъявлял восклицаниями своими, сколь велика горячность и усердие подданных к своему государю, которой, царствуя над странами, владеет и сердцами людей своих. По прибытии на галеру, помешкав мало, изволила Ея Величество указать сниматься с якорей. По учинении сигнала галеры начали оставлять казанские брега; пушечная пальба производима была с городу, которой и с галер так же ответствовано было. Премножество народу в лодках преследовали галеры по реке Казанке до Волги; а от Адмиралтейства отдаваема была честь, и с пристани, где командующий того адмиралтейства с своими подчиненными для отдания всеподданнейшего поклона находился, слышно было восклицаясь многократно «ура!».

В 3 часу по выходе из Казани на Волгу стали на якорь, где был обеденный стол. В 6 часу пополудни, снявшись с якорей, продолжали путь; а [...] став на якорь, Ея Императорское Величество ужинать и ночевать изволила.

2 числа поутру в 4 часу, подняв якорь, путь продолжали, а поровнясь с устьем Камы, Ея Императорское Величество изволила ездить на оное в шляпке для осмотру стоящих тамо людей, плывущих в верховые с солью города. В 12 часу стали на якорь, где был обеденный стол. В 4 часу пополудни якорь был снят, и путь продолжался благополучно.

Проходя мимо древнего города, называемого Болгары, которого в развалинах остатки напоминают еще великолете цветущего его состояния, соизволила Ея Императорское Величество указать остановиться, любопытствуя видеть толь известное по истории место. И сошед со всею свитою с галер, изволила она на шляпках пойти к берегу, где нарочно к тому изрядная приготовлена была пристань. Но как еще за скоростию карет приготовить не успели, то Ея Величество, к неутомленным подвигам привыкшая государыня, изволила идти более четырех верст пешком, доколе не нагнали кареты, в которых продолжала свой путь к объявленным развалинам, от берега в 9 верстах отстоящим. По прибытии в город, встретили Ея Величество у святых врат Вознесенского монастыря игумен Клавдий с братиею в священном облачении с Животворящим крестом и святыми иконами. А по отслушании в церкви

молебного пения Ея Величество изволила приложиться к святым иконам, жаловать к руке духовенство, и пойти для осмотра объявленных развалин и оставшихся в разных местах каменных зданий. Осмотрев оное, изволила Ея Величество идти обратно к пристани, и с оной в шляпках на галеру возвратиться. По прибытии туда снят был якорь и путь продолжался. [...]

Санкт-Петербургские ведомости. Прибавления. – 1767. – № 59. – 24 июля.

№ 7. Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году: по материалам рукописного сборника конца XVIII в.

[...] Когда увиден был град Свияжск, то Ея Величество в сопровождении графа [Г. Г.] Орлова на палубу взойти изволила. Когда же мимо Свияжска, стоящего на прекрасной и возвышенной горе, проходили, тогда на берегу разного сословия и возраста народ приветствовал монархиню радостными восклицаниями, когда как в самом городе, так и в монастыре Богородицком во всех колокольнях в колоколы звонили, а река между галерами и обоими берегами множеством лодок с людьми в праздничных одеяниях и с разноцветными флагами наполнена была. По воззрении же на ситуацию Свияжска Ея Величество изволили сказать, что царь де Иоанн Васильевич, приснопамятный [со]здатель города сего, иного лучшего места к тому избрать не мог. Слышано сие мною от Его же Превосходительства господина генерала-поручика [Я. С.] Аршеневского. Когда же галеры проходили мимо монастыря, донесли Ея Величеству, что в сем монастыре нетленные и чудотворные мощи святого Германа находятся, и тогда Ея Величество троекратно крестное знамение сотворить изволили. После того продолжили поход до самого того места, где обеденный стол был назначен и пополудни в 4 часа при деревне Моркваши, которое, стоя на правом берегу Волги под zelo высокою горою, от града Казани на 13 верст отстоит. Здесь Ея Величество изволили кушать и затем немедля дальнейший свой поход продолжить. Когда же в патом часу пополудни к г. Казани приближаться начали, тогда Ея Величество о названии знатного села, на великой горе супротив Казани стоящего, спросили. Ответствовано было, что то село Услон и в нем скончалась и погребена супруга князя [А. Д.] Меншикова, когда сей за великие вины с фамилиею в ссылку отправлен. По сем Ея Величество изволили августейшие свои взоры обратить на град Казань, меж тем как галеры стали входить в реку Казанку, при подошве города текущую. Проходя рекою Казанкою мимо Адмиралтейства, в семи верстах от Казани находящегося, били парад и играли на трубах, на берегах же расставленные по воинскому ордеру солдаты в полном вооружении и параде должную честь Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] отдавали. Пройдя то Адмиралтейство, услышали начавшуюся в городе Казани пушечную пальбу, ибо в то время из Кремля галеры усмотрены были. В 6 часов и 48 минут пополудни галеры стали у подошвы крепости на пристани, прилично устроенной, алым сукном обитой и различными цветами усыпанной. Когда же с сею пристанью галеры поравнялись, тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили сесть в шляпки со всею своею свитою и ехать к той пристани при сильном громе пушечной пальбы, из крепости и со всех галер производившейся, и, равным образом, и при громком трубном звуке.

Та же пристань была так по чертежу надворного советника [Ю. И.] Каница устроена, что она на два разделялась отделения и была обита алым сукном. На нижнем ближайшем к берегу отделении стояли тогда господин казанский губернатор [А. Н.] Квашнин-Самарин, казанский комендант, генералитет и знатнейшие города особы. На верхнем же отделении по левую сторону премножество дам в блистательных одеждах и по правую [сторону] дворяне, штаб- и обер-офицеры,

а также и купечество находились. За сею же пристанью, как берега реки, так и гора, и градские стены, и весь путь до собора, и вся внутренность Кремля множеством народа, собравшегося с несказанною радостью для стретения [встречи] своей монархини, наполнены были. Казанский господин губернатор Квашнин-Самарин, как скоро Е[я] И[мператорское] В[еличество] на нижнее отделение пристани ступила, отапортовал о благосостоянии вверенной ему Казанской губернии. Тогда Ея В[еличество] заметила в генералитете князя [А. А.] Путятина, губернатора Оренбургской губернии, коего лично прежде знать изволила, [и] обратилась к нему с вопросом:

– Для каких причин Его Сиятельство оставило свою губернию?

На сие господин губернатор Оренбургской губернии отвечал:

– Единственно для того прибыл я в град Казань из отдаленной своей провинции, чтобы видеть пресветлые очи моей и всех нас всемилостивейшей государыни.

[О прибытии князя Путятина в Казань ... видно из писем ея к Н. И. Панину... Без сомнения они сами его вызвали в Казань]*.

По сем Е[я] И[мператорское] В[еличество] со всею своею свитою пошли на верхнее отделение устроенной пристани, и тогда премножество благородных дам и дворянства, и офицерства, и купечества радостно с вожделенным прибытием Е[я] И[мператорское] В[еличество] в град Казань поздравляли. Когда же наконец Е[я] И[мператорское] В[еличество] в нарочито приготовленную господином Квашниным-Самариным карету сели и в гору к Тайницким воротам поехали, в то самое время огласились стены древнего града Казани радостными восклицаниями от всего во множестве собравшегося народа. А когда весь кортеж в старинный Кремль казанский ч[е]рез Тайницкие ворота въехал, тогда казанские гарнизонные батальоны, расставленные ч[е]рез весь Кремль от ворот Тайницких мимо Сумбекиной башни и комендантского двора и собора и Спасского монастыря даже до Спасской башни и ворот в надлежащем порядке, по команде господина казанского коменданта отдавали честь с уклонением знамен при трубном звуке и барабанном бое. Карету же Ея Императорского Величества окружали гг. Квашнин-Самарин, князь Путятин и другие генералитет, все в мундирах и полной форме и верхами на конях. А п[е]ред каретою ехали по четыре в ряд все многие казанские дворяне. А за каретою Е[я] И[мператорского] В[еличества] следовали дамы в собственных каретах. А за всем тем многими и многочисленными толпами радостный от шествия Е[я] И[мператорского] В[еличества] в град Казань народ бежал. Поистине во все высочайшее Ея Императорского Величества путешествие нигде столь многочисленного и притом же разноплеменного народа не видели. Здесь и россияне, и татарские абызы, и мордвины, и чуваша, и черемисы, и всякого другого племени блаженствующие подданные российския державы стеклись с радостными чувствами удостоиться лицезрения оной великой своей матери и благодетельницы. Восхищение града Казани было неудобно описано, когда царица Казанская удостоило сей град своим августейшим посещением. На всех лицах отражалось веселие, и ни на едином не видно было печали или неудовольствия... Когда же карета, поднявшись на возвышение, на коем кафедральный собор Благовещенский находится, у Святых ворот остановилась, тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество], при продолжающемся с самого еще узрения из города галер во всех града Казани Божиих церквах колокольном звоне, была встречена Его Преосвященством Вениамином, архиепископом казанским и свияжским, и освященным собором в полном служебном облачении. И когда Преосвященный архипастырь осенил Е[я] И[мператорское]

* Примечание владельца рукописи, писателя П. И. Мельникова-Печерского.

В[еличество] честным и животворящим крестом Господним, и тогда как бы по некоему волшебному мановению и колокольный звон, и пушечная пальба, и звуки трубные, и самые даже слова всех затихли, и оттого воцарилась тишина повсеместная. Многочисленные и разноцветные народа толпы, тускнеющими лучами склоняющегося к закату светила дневного едва освещаемые, в совершенном благочинии и благоговении к Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] безмолствовали. Преосвященный же архиепископ Вениамин казанский и свияжский сказал тогда поздравительную Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] речь, цветами элоквенции и различными фигуральностями риторическими украшенную. По окончании же оной речи по обеим ст[о]ронам предлежащего пути стоящие благообразные юноши, в белые одежды облеченные, масляные ветви в руках держащие во знамение мира гражданского, и некие блестящие венцы на главах имеющие, громогласно и с великим согласием пропели нарочно для сего радостного случая сочиненную канту, которая начиналась следующими словами: «О сколь Казань днесь веселиться, Владычицу узрев свою», [которая] всерадостные чувства жителей славного града Казани изразжала. На вопрос же Е[я] И[мператорского] В[еличества]:

– Кто сии юноши?, – ответствовано было:

– Здешние казанские семинарии семинаристы.

По окончании оной канты Е[я] И[мператорское] В[еличество], предшествуемая певчими, всем казанским духовенством, с иконами и хоругвями, из всех церквей принесенными, при начавшихся снова колокольном звоне, пушечной пальбе, барабанном бое, трубном звуке и радостных криках, по алому сукну соизволили идти по помосту до самого собора и потом ч[е]рез высокую малиновым бархатом покрытую лестницу в самый собор Благовещения Пресвятой Богородицы. В сем соборе отпели молебен с коленопреклонением и многолетием, после которого Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволила приложиться к честным и нетленным мощам св[ятителя] Гурия, что был первым архиереем в граде Казани еще при царе Иоанне Васильевиче, покорителе оного царства знаменитого. По сем, приложась к святым иконам, изволили Е[я] И[мператорское] В[еличество] обозреть посох и ризы св[ятителя] Гурия, в том соборе хранящиеся, и затем идти из собора к карете.

Едва Ея Императорское Величество из собора показались, как от всего множества народа снова раздались всерадостнейшие восклицания, и снова начался колокольный звон, и звук трубный, и барабанный бой, точию же пальба из орудий п[е]-рестала. Но когда же кортеж, пройдя ч[е]рез кремль, въехал в великолепные, нарочно устроенные ворота под распоряжением господина Каница, тогда снова из 101 орудия выпалили. По Воскресенской улице расставлен был надлежащим воинским ордером Санкт-Петербургский пехотный полк под командою господина полковника князя [Ю. В.] Долгорукова и от него отдаваема была приличная с уклонением знамен честь. Великое же множество разноплеменного народа сопровождало Е[я] И[мператорское] В[еличество] до самого уготованного ей дома, купцу Осокину принадлежащего. При сем не умолчу и о том достопамятном случае, что и великий государь император Петр Великий, отец Отечества, проходя в Персию и бывши во граде Казани, в том же доме ночлег имел. Поелику день тот был суббота накануне праздника Живоначальныя Троицы, то Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] благоугодно было приказать, чтобы иллюминаций не было, а приуготовлено бы все было к совершению в оных покоях купца Осокина заутрени. И тогда во всех казанских церквях начали отправлять божественную службу, и хоть все оные были полны народа, благодарящего Господа за вожденное во град Казань пришествие великой монархини, но немалое количество различных одеяниями и верами людей даже до глубокой ночи п[е]ред окнами двора находилось. По окончании же божественной службы

изготовлен был вечерний стол. А кушали с Е[я] И[мператорским] В[еличеством] все члены свиты, а также и господин губернатор казанский с супругою. За столом рассуждаемо было о недавно происходившем в Казани пожаре, знатную часть города истребившем. О сколь много благодеяний при сем излито было. Поистине мать, пекущаяся о детях своих, есть наша всемилостивейшая государыня.

В 10 часов следующего 27 числа мая Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили выйти в залу, где принимали поздравления и жаловали к руке гг. губернаторов казанского и оренбургского, также прочий генералитет, дворянство и офицеров, и нимало не медля, таким же порядком, как вчерашнего числа, отправились в каретах к слушанию божественной литургии в кафедральный Благовещенский собор. Путь весь был обсажен по российскому обычаю, как в день Троицы делается, различными деревьями, а по улице были разбросаны травы и различные цветы, ворота же, что господином Кауницем были построены, обвешаны были изображением военной арматуры, из ветвей и трав сделанной. В самом же соборе были прилично по местам различные оранжерейные растения поставлены и испускали весьма приятное благовоние; поелику [в] то время многие из них в цвету находились. Помост же и крыльцо собора, как и вчера, были алым сукном и малиновым бархатом обиты. Литургию совершил сам Преосвященный архиепископ с освященным собором, а вечерню, коя в сей день поется после божественной литургии неукоснительно, совершало все города Казани духовенство. По окончании же божественной службы, даже до двух часов пополудни продолжавшейся, Е[я] И[мператорское] В[еличество] удостоила своим всеавгустейшим посещением казанского Преосвященного и в келии его духовенство жаловало к руке. Побывав немало у Преосвященного и пригласив как его самого, так и трех архимандритов к обеденному в тот день столу, в дом купца Осокина в сопровождении многочисленного народа Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили отправиться. И когда из кабинета в приемный зал изволили выйти, то благоволили допустить к руке архимандрита Иеронима, лучшего в граде Казани проповедника, а также господ губернаторов Квашнина-Самарина и князя Путятина, генералитет, дворянство казанское и свияжское и Казанского адмиралтейства офицеров. По сем изволили говорить о своем августейшем по реке Волге плавании, отдавая похвалу как красоте берегов, так и пространству реки сей, и когда говорили о бурях нередко в Казани, по естественному положению сего города случающихся, тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество] милостиво изволили сказать:

– Я не боюсь никаких бурь, – и с улыбкой показав на одного из своей свиты знатного генерала, изволила примолвить, – а из спутников моих некто боится.

За сим следовал великий обеденный стол, причем кроме свиты Е[я] И[мператорского] В[еличества], Преосвященного архиепископа, архимандритов и генералов находились все господа первых ос[ь]ми классов. При питии же за здравие всемилостивейшей императрицы производима была пушечная пальба и игра на трубах. Не опущу и того молчания, что за столом Е[я] И[мператорское] В[еличество] великие похвалы рыбам, в Волге пойманным, отдавать изволили и сказали, что подобных рыб редко и при своем высоком дворе может видеть. И тогда Его Сиятельство граф Иван Григорьевич Орлов сказал своей монархине, что когда Е[я] И[мператорское] В[еличество] мимо его вотчины поедет, то не таких рыб увидеть может, если удостоит дом Его Сиятельства своим всеавгустейшим посещением. И на сие Е[я] И[мператорское] В[еличество] милостивое свое согласие изъявить изволили.

В тот же день по все годы в Казани устраивается народное гульбище на Арском поле, с края города по дороге в сибирские города находящемся. Ныне же паче

стеклося многое множество народа всякого звания и возраста в праздничных платьях: ибо промчалась весть, что Е[я] И[мператорское] В[еличество] всемило- стивейшая государыня на сем гульбище быть не приминет и будет, яко мать среди детей ея обожающих и блаженство свое в ней видящих. Стеклось же народа не токмо с города Казани и слобод его, но из окрест находящихся селений и даже из-за реки Волги верст на тридцать и более целыми семействами приходили и не точию россияне, но и чужеплеменные народы, мирно и благоденственно под сению всероссийского скипетра живущие в Казанской губернии. Поистине более чем шестьдесят тысяч обоего пола на сем гульбище находились: ибо не токмо проехать, но и пройти по обширному Арскому полю невозможно было. Через один час после обеденного стола удостоены были высочайшим приемом казанские дворянки не токмо из самого города, но и из всей губернии многочисленно съехавшимися. После как оне были допущены к руке, с ними вместе, а также с свитою своею и некими господами казанскими дворянами Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили отправиться тогда на оное Арское поле. Прежде нежели до оного доехали, Е[я] И[мператорское] В[еличество] удостоили господина казанского губернатора вопросом: оное ли есть то поле, на коем иногда бывала главная ярмонка? Господин же Квашнин-Самарин отвечивал, что заподлинно того неизвестно, но что в Казани одно только Арское поле находится. По сем спросить изволили, где то место, которое взорвано было царем Иваном Васильевичем. А на сие ответствовано было, что неудобно в нынешнее время места того определить с точностию, но что есть в Казани улица, как конечно от сего случая Проломною зовется. Тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество] по долгом рассуждении о древнем городе Казани положении изволили сказать господину казанскому губернатору, что Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] желательно иметь план древних крепостей Казани и самого царем Иваном Васильевичем оного города взятия. На сие ответствовал господин губернатор Квашнин-Самарин, что для того дела он искуснейшего человека не знает опричь господина надворного советника Каница. В таких разговорах, в коих не одно токмо любопытство, но и желание просветить учением своих подданных в Е[я] И[мператорском] В[еличестве] изražалось, весь кортеж достиг до Арского поля, и тогда Ея Им[ператорское] В[еличество] встречено было сильными восклицаниями ликующего народа. Столь оного много было, что когда кареты в средину означенного поля въехали, то от стремления народного кортеж расстроился, а от множества оного карета вперед подвинуться не могла. Громкие же восклицания не умолкали в воздухе. И когда некие чиновники хотели народ столпившийся разогнать, чтобы путь для кареты Ея Им[ператорского] В[еличества] очистить, тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество] делать сие запретили, сказавши, что она находится между детей своих, которых она любит и от них чае быть любимой и что посему не должно возбранять их желанию видеть свою мать. С немалым трудом выехали кареты в город уже в 8 часов вечера. И после сего Е[я] И[мператорское] В[еличество] приказали угостить народ. [...] У Святых ворот монастыря того (девичьего Богородицкого Казанского) Его Преосвященство Вениамин, архиепископ казанский и свияжский, с освященным собором и игуменья с сестрами встретили Е[я] И[мператорское] В[еличество]. Литургию совершал Преосвященнейший архиепископ, а Спасского монастыря архимандрит Иероним говорил слово, в коем чувства народа казанского при лицезрении

* Далее один листок вырван. В несохранившемся фрагменте текста речь, по-видимому, идет о посещении Екатериной II Казанско-Богородицкого монастыря и рассказывается история появления чудотворной иконы Казанской Божьей Матери.

на всемилостивейшую государыню изъявлял. После молебного пения о здравии, благоденствии и спасении Е[я] Им[ператорского] Величества и Их Им[ператорских] Высочеств, совершенного всем собором, благочестивейшая государыня изволила прикладываться к чудотворной иконе Казанской Богородицы и тогда же приложила к ней знатную корону, из одних бриллиантов устроенную, и в которой много таких драгоценных бриллиантов находится, что вся сия корона весьма значительныя суммы стоит. А также к образу Господа Иисуса Христа, напротив сей иконы стоящего, изволили приложить корону же из бриллиантов и весьма дорогих голубых яхонтов, мало в цене своей первой короне уступающую. Засим игумения и сестры того знатного и по всей России славнейшего монастыря подходили к Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] и были к руке жалованы. После, как игумения достодожную благодарность всеавгустейшей императрице за ея всемилостивейшее посещение принесла, Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили сделать ей знатный подарок. А когда в каретах возвратились в дом купца Осокина, тогда жаловали к руке: Казанской губернской канцелярии присутствующих, купцов казанских с женами их и дочерьми, а также и купцов из городов Кунгура, Слободского и Свияжского, нарочно для того приехавших, чтобы пресветлые Ея Им[ператорского] Вел[ичества] очи видеть. Е[я] И[мператорское] В[еличество], как есть неутомимая во всех делах государственных не точию важных, но и обыкновенных, оных купцов рас[с]прашивать изволили, какие заводы в их городах находятся, с какими землями они торговлю ведут и на какую именно сумму производят оную торговлю. Особенно же отзывались с похвалою о знатных мыловаренных заводах, в городе Казани находящихся, а также и об кожевенных, сказавши, что казанские кожи не токмо в ея обширной монархии, но даже и в чужих землях имеют достодожную славу, и притом изволила спрашивать кунгурское купечество об их кожевенных заводах и благосклонно объявила, что ей бы хотелось, дабы казанские заводчики старались перед кунгурскими своими изделиями кожевенными щеголять, а кунгурские, равным образом, хотели бы казанских кож своими славу затмить. А за сим изволили говорить о находящейся в городе Казани суконной фабрике, принадлежащей заводчику [И. Ф.] Дряблову и заведенной императором Петром Великим в бытность Его Им[ператорского] Величества в городе Казани, которую от своих монарших щедрот и пожаловал сей монарх предкам того Дряблова Михляевым. Фабрика же сия доставляет ежегодно значительное количество сукна для войска российского и на берегу Кабанного озера находится (в подл[иннике] Банного. Но на Банном озере фабрика эта не находилась. Она и до сих пор существует и находится на берегу озера Кабана)*.

Е[я] И[мператорское] В[еличество] всемилостивейшее тогда же объявить изволили, что в тот день осчастливит она своим августейшим посещением знатную ту фабрику заводчика Дряблова. По сем же был большой стол, к которому и некоторые от купечества приглашены были. По окончании же того стола, пригласив во внутренние свои комнаты господина казанского губернатора, Е[я] И[мператорское] В[еличество] приказали подать в свои августейшие руки записки о пожаре, незадолго перед тем в Казани бывшим. О сколь милостей при сем от великия государыни излишно было. И когда господин губернатор имел счастье подать Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] план, по коему возобновлять город было предназначено, тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество], посмотрев мало на оный, сказать изволили, что на плане того нельзя видеть, что усмотреть можно в натуре, и что она, обзрев город, прикажет после подать план тот для рассмотрения и всевысочайшего утверждения. В 8-м часу пополудни со всею своею свитою и в сопровождении

* Примечание П. И. Мельникова-Печерского.

господина Квашнина-Самарина Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили отправиться на суконную фабрику Дряблова, которую осмотрев и оказав содержателю ея всемиловейшее благоволение и похвалу за его рачительность, изволила ездить по разоренным от пожара местам, расспрашивая господина губернатора о названии улиц, церквей и прочего. Вечеру был большой стол, где присутствовал генералитет. Тогда же по примеру прошедшего дня город был весьма знатно иллюминирован, а паче всего обращалось всеобщее внимание на представляемую каждодневно от купечества п[е]ред двором Ея Величества иллюминацию. И хотя сия уже ч[е]-рез напечатание известно российской публике, однако я здесь описание ее приложу. Во всех преславных делах сияющая премудрость и правота всемиловейшей императрицы Екатерины Второй на твердом и незыблیمом основании поставляет блаженство всероссийского народа. Удивляющее вселенную человеколюбие великой самодержицы сладчайшую источает жизнь, а геройское великодушие ограждает спокойствие подданных, в веселии и удовольствии плавающих. Обильно изливаемые от величественной прозорливости и неусыпнейшего попечения дражайшей матери Отечества благоденствия на всю пространнейшую империю российскую, изъявляют свету, что в священнейшей особе августейшей монархини есть образ всевышнего величества, которое с высот своих недремлющим оком зря на всю вселенную, блюдет жизнь и самое благое состояние человеческого рода. Всюду озаряющие добродетели и благотворные попечения всепресветлейшей августы нашей, которые неувядаемою облакают красотою императорский престол и России вечную подают славу и непрерывное увеселение, побудили и отдаленные страны сии удостоить всевысочайшим своим присутствием, дабы принести, умножить и утвердить в них спокойствие, просвещение и благополучие. Толь благодетельное и всевожденнейшее Е[я] И[мператорского] В[еличества] прибытие таковую в сердцах жителей казанских произвело радость, каковой ни единое и преимущественного искусства изобретение довольно изъявить не может. Но истинная благодарность и всеподданнейшая с искренним благоволением любовь к благотворному величеству внушили восхищенным жителям здешним, чтобы по мере сил своих, хотя малыми знаками в наружности они показали, неограниченное свое усердие и высокопочитание премилосердной своей обладательнице. В рассуждении сего с верноподданнической ревностью и в крайней радости казанское купечество старалось воздвигнуть во достолюбезную честь Е[я] И[мператорского] В[еличества] следующую иллюминацию: она состоит из четырнадцатисаженной в длину галереи, га горах и великих камнях стоящей, которая украшена прозрачными картинами, эмблемами, нишами и разноцветными огнями сим образом: над средним сводом галереи утвержден щит императорского российского герба, по сторонам каждого вместо его держателей укреплены две сидящие статуи, из коих одна представляет славу, а другая благополучие российского народа. В главных же оной галереи вратах виден полной портрет Ея Им[ператорского] Вел[ичества], стоящей на той части горы, которая снизу до середины сих ворот возносится; а по обеим их сторонам сидят любовь и верность подданных всероссийския державы. Над священнейшим же портретом августейшей монархини на среднем своде изображены сии слова: «бессмертная красота народов». По обеим сторонам галереи в равномерном расстоянии от сей главной картины показываются известные повсюду самодержавнейшей императрицы 4 добродетели, а именно: мудрость, правосудие, человеколюбие и великодушие. В обеих нишах, которые в галерее на обеих сторонах между высочайшими оными добродетелями употреблены, поднимается холмами подошва горы, так как под главною картиною до внутренней середины того и другого ниша. На одном холму из них покоится бог реки Волги, которая вниз стекает, на другом же видна в равномерном

образе Кама река. А на сводах обеих ниш поставлен герб Казанского царства, в поле серебряном полоз черный, венчаный. Концы галереи заключаются пирамидами, из которых на одной священнейшее августы вензелевое имя в лучах, на другой же Его Им[ператорского] Высочества вензелевое ж имя в обыкновенном свете. Сверх сего под первым следующая надпись: «Нынешнее увеселение своих народов». А под другим сии слова: «Блаженство потомства». Столпы, перила и другие украшения сей иллюминации также прозрачные и в надлежащих местах елками убраны. Предгорие из елок, стеною прикрытое и эмблемами украшенное, окружает всю нижнюю часть гор оных.

Вторник, т. е. 29 числа, до 8 часа пополудни Е[я] И[мператорское] В[еличество] всерадостному народу приветливейших очей своих не явила: ибо до самого обеденного стола во внутренних комнатах с господином губернатором оренбургским находилась. Сказав ему, что очень рады тому его прибытию в Казань без зова, ибо есть возможность лично о делах его губернии говорить, Е[я] И[мператорское] В[еличество] преподавала решения на подаваемые господином князем Путятиным различные представления. Паче же всего о благосостоянии яицких казацких домов говорено было и о стережении от набегов хищных киргизцев. Когда же господин князь Путятин всеподданнейше донес, что с ним в Казани аманат сын хана киргизского находится, тогда Ея И[мператорское] В[еличество] соблаговолили изрещи: «Я очень хочу видеть сего азиатского принца», и представить к себе его князю на другой день приказала. Кушали в тот день во внутренних комнатах и никого кроме свитских чиновников, а также и двух господ губернаторов при оном не было. За столом говорено было о театральных представлениях и о тех комедиях, которые на российских театрах представляются. Похваляли [Ж.-Б.] Росини и [П.] Корнелия и о российском театральном стихотворце господине [А. П.] Сумарокове с должною похвалою отзывались. При том случае Е[я] И[мператорское] В[еличество] упомянуть изволили, что и в Казани в гимназиях учениками оных комедии и трагедии представляемы были. Господин же губернатор казанский всеподданнейше донес Е[я] И[мператорскому] В[еличеству], что таковых представлений более в гимназиях не имеется, поелику ученики, хорошо комедии представлявшие, окончили свое учение и из училищ выбыли. На сие Е[я] И[мператорское] В[еличество] соблаговолили изрещи: «То весьма сожалеательно, что таковые представления в городе Казани оставлены, и господину губернатору должно таковые предметы поддерживать и об улучшении их весьма заботиться». На сие господин Квашнин-Самарин отвечал, что господин главный начальник гимназий и надворный советник Каниц тому противиться по причине, что ученики должны наукам, а не лицедейству в гимназиях обучаться. Тогда Е[я] И[мператорское] В[еличество] сказать изволили:

– Господин Каниц то говорит неправильно и толку в том не разумеет: ибо не токмо малолетних учеников, но и самих дворян должно к тому наклонять по той причине, что сим оные научаются приятности в поведении и обращении, которые не токмо в столицах, но и в самых провинциях Российского государства видеть желательно.

Е[я] И[мператорское] В[еличество], обратясь к господину графу Владимиру Григорьевичу Орлову, побывать в гимназиях и посмотреть на учение в науках приказали. Пополудни же в 8 часу Е[я] И[мператорское] В[еличество] вместе с приближенными своими соизволили на Арское поле пойти в каретах. Тамо все было господином полковником князем Долгоруковым приготовлено к воинскому учению Санкт-Петербургского пехотного полка, в городе Казани квартиры имеющего. Для Е[я] И[мператорского] В[еличества] была приуготовлена особая палатка, на манер воинского шатра разбитая. Тотчас, как Е[я] И[мператорское]

В[еличество] изволили войти в сию палатку при громогласных восклицаниях не токмо войск, в строю стоявших, но купно и великого множества разного звания народа, на сие позорище от[о]всюду стекшегося, то и началось воинское учение того полка обыкновенным порядком. По стрельбе же из ружей все войска под предводительством господина полковника князя Долгорукова проходили мимо упомянутой ставки и уклонением знамен Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] честь отдавали. И за все то господин князь Долгоруков и того полка офицеры приобрели от Е[я] И[мператорского] В[еличества] благоволение и были приглашены в означенную палатку, где от царского стола угощаемы были. Е[я] И[мператорское] В[еличество], как истинно мать всех своих многочисленных верноподданных, мало не со всеми офицерами разговаривать изволили и о службе и семействах каждого по своей неизглаголанной милости спрашивали. А за сим в сопровождении бегущего с ликованиями народа возвратились Е[я] И[мператорское] В[еличество] в город в каретах и изволили быть при вечернем столе, к которому и упомянутый князь Долгоруков с штаб-офицерами Санкт-Петербургского пехотного полка приглашены были.

Утром же следующего дня в двенадцатом часу господин губернатор оренбургский князь Путятин имел счастье Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] представить сына хана киргизского, на что еще прежде Е[я] И[мператорское] В[еличество] изволили изъявить свое желание. Допустив одного к руке, изволили посредством особого толмача с ним об киргизской земле и обычаях того государства разговаривать; а также и об отце его, хане, спросить удостоили. После же всего того пожаловали сего ханского сына золотыми с бриллиантами часами к несказанной радости и восхищению принца, до того страшившегося предстать п[е]ред очами всемилостивейшей государыни, ибо подданные отца его много зла причинили близким к ним провинциям Всероссийской империи.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома)
РАН, ф. 265, оп. 2, д. 2318, л. 2-9 об.

№ 8. Из «Дневника» В. Г. Орлова 1767 г.

[...] 24-го мая [1767 г.] [...] остановились 3 версты от Козьмодемьянска. [...] В Васильурске встретил нас губернатор Казанский*. Козьмодемьянск гораздо лучше Васильурска. После обеда уехав более 30 верст, остановились за 25 верст от Чебоксар.

25-го мая приехали в 8 часу в Чебоксары; город сидит на некоторой вышине по Волге, однако так, как в буераке между двух гор. Государыня, отслужив молебен в монастыре [...], изволила ездить к дубовой роще версты 4 от города и ходить по ней. [...] После обеда отъехали 44 версты и остановились ночевать верст за 80 от Казани. [...]

26-го с утра отошли 70 верст и остановились от Казани за 10 верст обедать, проехав Свияжск, которого вид очень хорош. [...] После обеда часу в 5 доехали до Казанки. [...] Вид города очень хорош, [...] много очень каменного представляется. [...] Часу в 7-м приехали в город, будучи встречены премножеством разного народа и дворянства, съехавшегося при колокольном звоне и пушечной пальбе. Государыня до города доехала в шляпке; ехав по городу, остановилась в соборе. Архиерей здешний говорил речь [...]; отслушав молебен, изволила до дому сквозь триумфальные ворота [...] прибыть, которые очень хорошо сделаны; день был очень хорош.

* Имеется в виду губернатор А. Н. Квашнин-Самарин.

27-го государыня изволила быть в соборе, а прежде представлены были Измайловские офицеры к руке. [...] Губернатор с дворянством у обеда оставлены были, архимандриты трое с архиереем и несколько дворянства [...]; после обеда часу в 8-м, после представления здешних дворянок и допущения к руке, между которыми довольно очень изрядных было, государыня изволила поехать на бываемое в нынешнее время здесь гульбище. Проезжая сквозь город, видели народа чрезвычайное множество, который весь за нами ударился бежать и провожал нас назад по всему полю до самого города. [...] День был очень хорош, только гораздо жарок.

28-го мая государыня изволила быть в Девичьем монастыре, где очень богато убранный образ Казанской Богородицы находится, у обедни. До обеда допущены были купцы здешнего города и иногородцы, между которыми были такие, которые по 400 и по 700 верст отсюда живут. Государыня таким прямым усердием очень довольна была; после обеда государыня изволила быть на суконной фабрике, которая довольно много товара приготовляет.

29-го был я поутру у архиерея с братом Григорием Григорьевичем, оттуда проехал в Татарскую мечеть. [...] Оттуда проехал в полк [...], который учился очень хорошо в присутствии Ея Величества; она после учения изволила к ручке пожаловать всех офицеров, при сем же случае имел эту честь старый солдат лет 70, который осмелился приблизиться к государыне.

30-го мая после обеда ездила государыня в гости к архиерею в загородный его дом версты 3 от города; тут говорили всех здешних народов ребятки крещенные на всех их языках; погуляв в саду и посидя в хоромы, изволила возвратиться, проехав по Татарской слободе.

31-го мая был я в гимназии, которую в очень дурном состоянии нашел, где 12 учителей, а учащихся всех с 40; они говорили речи на немецком, французском, русском и латинском языках; успехи учащихся очень несовершенны. [...] После обеда [императрица] жаловала к руке свияжских дворянок, а потом татарок; часу в 6 изволила поехать в загородный дом; тут плясали мордва, чуваша, черемисы, вотяки и татары, мужчины и женщины. [...] Часу в 9 начался маскарад, съехалось много дворянства, часу в 11-м был фейерверк очень хорош, хотя невелик. [...] Часу в 12 откушать изволила, а часу в 1-м изволила поехать во дворец; маскарад многолюден был и весел. Город с Казанки реки вид очень хороший имеет, и я думаю, конечно, лучшим после Москвы почестся должен. [...] Здесь много кожевенных заводов, лежащих по большей части по речке, из озера текущей сквозь город; в ней то самая лучшая вода должна бы быть, но загажена, потому что почти всеми жителями употребляется, то и жить в Казани нездорово; впрочем положение места не нездорово и недурно; дворян почти всегда много в городе живет, а я много тут хороших девушек и барынь видел, много компании водится.

1-го июня часу в 12 утра поехали с государыней на галеры; народа множество на улицах стояло, и сев на шлюпки, поехали на галеры; кричали много «ура», из пушек палили и в колокола звонили; отъехав верст с 10, остановились обедать, а после обеда, отъехав еще верст с 20, ужинали.

2-го июня, приехав к Каме, государыня изволила пересечь в шлюпку и всплыть вверх по оной реке версты с 3. [...] Вода мутнее как в Волге. Отошед верст с 5, возвращаясь на галеры, остановились обедать, а после обеда часу в 6-м пришли к пристани [...], тут остановились и вышли на оную. Прошед 4 версты пешком с государынею, сели в кареты и доехали до Болгаров, всего от пристани 9 1/2 верст, и до самого города дорога все лесом, а Болгары лежат в поле, тут сидит деревня и носит тоже имя. Подле монастыря, находящегося у самой деревни, сохранился очень хорошо род колокольной татар; на поле видели сделанную из мечети церковь, которая и до сих пор

сохранилась; несколько мечетей разваленные почти совсем, да еще одну колокольню татарскую, которой верх разваливаться начал. Во всех почти сих местах изволила быть сама государыня и крепко наказала губернатору, видя, что некоторые камни с надписью растасканы, чтобы оно впредь отнюдь не было. [...] С самого того места, где Кама в Волгу впадает, находится по обеим сторонам очень хороший чернозем, да и по самой реке Каме очень хороший чернозем вверх по обеим сторонам идет. [...] Возвратясь на галеры в каретах, отошли еще верст с 10. [...]

Русский архив. – 1908. – Кн. 2. – С. 325-328.

№ 9. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 26 мая 1767 г. из Казани

[...] Мы вчера в вечеру сюда* приехали и нашли город, который всячески может слыть столицей большого царства; прием мне отменной, нам отменно он кажется; кои четвертую неделю видим везде ровную радость, а здесь еще отличное. Есть ли б дозволили, они бы себя вместо ковра постлали, а в одном месте по дороге мужики свечи давали, чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали. [...] Везде весьма чинно все происходит; здесь триумфальные ворота такие, как я еще лучше не видала. [...] Я живу здесь в купеческом каменном доме, девять покоев анфиладою, все шелком обитые; креслы и канапеи вызолоченные; везде трюмо и мраморные столы под ними.

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 203.

№ 10. Из письма императрицы Екатерины II Вольтеру от 29 мая 1767 г. из Казани

[...] Вот я и в Азии: мне хотелось ее видеть своими глазами. В здешнем городе есть до двадцати различных народов, которые не похожи друг на друга, а между тем им надобно сделать платье, которое бы годилось для них всех. Относительно общих начал им может быть будет хорошо, но подробности? И какие подробности! Я сказала, что это почти то же, что создать мир, соединить, сохранить и пр. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 204.

№ 11. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 29 мая 1767 г. из Казани

[...] Вчерась я была в здешнем Девичьем монастыре, где у ворот встретил меня [...] дедушка, [Н. Н.] Кудрявцев, и так мне обрадовался, что почти говорить не мог. Я остановилась и с ним начала говорить, и он мне сказывал, что он очень слаб и почти слеп, и как головою все подвигался, чтоб меня видеть, то и я гораздо к нему подвинулась, чем он казался весьма довольным; он уже ни ходить, ни одеваться не может, его водят. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 205-206.

* Имеется в виду в Казань.

№ 12. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 1 июня 1767 г. из Казани

[...] Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт, и хотя цены везде высокие, но все хлеб едят, и никто не жалуется и нужду не терпит. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 207.

№ 13. Из письма императрицы Екатерины II цесаревичу Павлу Петровичу от 1 июня 1767 г. из Казани

[...] Вчерашний вечер мы проводили у казанского губернатора, где была на дворе бал для мордвы, чуваш, черемис, вотяков и татар, кои все по своему манеру плясали; потом дворяне казанские собрались в покоях того дома в маскарадном платье и танцевали; за сим следовал ужин и фейерверк, и очень весело было и людей много, хорошо одеты и танцуют. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1885. – Т. 42. – С. 354.

№ 14. Из указа императрицы Екатерины II казанскому губернатору А. Н. Квашнину-Самарину от 1 июня 1767 г.

Андрей Никитич! В бытность Нашу здесь поданы Нам от разных людей челобитные, коих число так велико, что Мы их здесь за краткостью времени рассмотреть не можем. Того ради повелели их отослать к вам, а вы имеет рассмотреть оные просителей по законам удовольствовать. [...]

Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 133.

№ 15. Из письма императрицы Екатерины II генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому от 3 июня 1767 г.

[...] В Казани я нашла губернатора в ссоре со всеми почти дворянами, а главный заводчик сей ссоры слывется прокурор [П.] Есипов. Услыша я сих сплетни, кой суть более с бабьей стороны, однако производят отвращения от персону губернатора, Я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дав вразуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию. Губернаторши сказано, чтоб она была приветливее и ласковее к людям. А Есипову показано, сколь по чину и должности его противно, что он людей ссорывает с той персоной, у коего моя власть в руках и коя, имев против себе огорчения в людях, не может уже отправить дела по званию своему с тою свободностию, как мне желается, и что он, господин прокурор, не токмо [...] потерять может свою месту, но еще ему в Казанской губернии жить не дадут, как не любящего мира и тишины. [...] Я думаю, что есть ли от себя еще изволишь ему дать приметить, [...] то, думаю, что перестанет мутить между дворянами и губернатором, а губернаторши уже мы вымыли голову. [...]

Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 10. – Декабрь. – С. 197.

№ 16. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 3 июня 1767 г.

[...] Вчерашний день мы ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших, строений, два турецкие минареты весьма высокие, и все, что тут не осталось, построены из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины. Сему один гонитель, казанский архиерей, Лука, при покойной императрице Елисавете Петровне, позаиводвал и много разломал, а из иных построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию древность. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 207.

№ 17. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 4 июня 1767 г.

[...] Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще не видали; по лесам же везде вишни и розаны дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядках не видят; одним словом, сии люди Богом избалованы. Я от роду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии, что себе представить не можешь, и я не знаю, в чем бы они имели нужду; все есть, и все дешево. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 208.

№ 18. Из письма императрицы Екатерины II старшему члену Коллегии иностранных дел Н. И. Панину от 7 июня 1767 г.

[...] Бессмертный дед* [...] мне подарил весьма хороший цуг вороных лошадей. [...]

Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1872. – Т. 10. – С. 210.

№ 19. Указ императрицы Екатерины II казанскому губернатору А. Н. Квашнину-Самарину от 14 июля 1767 г.

Господин казанский губернатор Квашнин-Самарин. Возьмите казанского ведомства из соляной суммы три тысячи рублей на известное вам употребление.

Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, № 4451, т. 1, л. 141.

* Имеется в виду бывший главный командир Казанского адмиралтейства генерал-майор Нефед Никитич Курявцев.

**№ 20. Из указа императрицы Екатерины II казанскому губернатору
А. Н. Квашнину-Самарину от 14 июля 1767 г.**

Андрей Никитич. Три тысячи рублей, которые Мы вам [...] взять приказали, Мы всемилостивейшее жалуюм вам. [...]

Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 142.

№ 21. Из протокола заседания Казанской губернской канцелярии за 1767 г.

[...] 1767 года в мае месяце к прибытию государыни императрицы Екатерины II-й в Казань вытребованы были для представления из лучших людей мужеска и женска пола вотяков, мордовских, чувашских, черемис по 10 человек, из черемис лучших 5-ть девок да умеющих играть на гутках или волынках или на каких инструментах по их обыкновению 5-ть человек со всем их обрядным платьем.

Июля 6-го с словесного приказания государыни императрицы Екатерины II куплено черемисское женское платье по их обыкновению и носимое на голове, называемое по черемиски «шурка», с серебрянными копейками за 12 руб[лей] 20 коп[еек], которое платье для представления к Ея Императорскому Величеству отослано в Москву с нарочным в сентябре [...] 1767-го года. [...]

Собрание документов, касающихся посещения Екатерины II г. Казани (1767 г.) и пребывания Е. И. Пугачева в Казани (1774 г.) // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 1844, л. 5 об.

**№ 22. Указ императрицы Екатерины II Адмиралтейств-коллегии
от 16 января 1768 г.**

Буде не можно безвредно до Петербурга довести построенные для нашего плаванья по Волге суда, то повелением Адмиралтейской коллегии оные перевести до Казани, и тамо по своему рассуждению, или переделав употреблять для своих перевозок по Волге реке, или вытаща в удобном месте на берег под сараем хранить.

Бильбасов В. А. Историческая монографии. – СПб., 1901. – Т. 3. – С. 257.

**№ 23. Из указа императрицы Екатерины II казанскому губернатору
А. Н. Квашнину-Самарину от 7 апреля 1768 г.**

Господин казанский губернатор Квашнин-Самарин.

Поданной нам от комиссии [...] план городу Казани мы, рассматривая и конфирмовав, за нужно и за полезно для города находим вам препоручить, чтоб вы постарались для перенесения нынешних в Казани кожевенных заводов, приискать удобное место [...] ниже города. [...]

Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 159.

**№ 24. Из указа императрицы Екатерины II казанскому губернатору
А. Н. Квашнину-Самарину от 12 мая 1769 г.**

Нашему действительному статскому советнику и казанскому губернатору Квашнину-Самарину.

В рассуждении всегдашней надобности для пользы дел Наших в искусных татарского языка переводчиках, рассудили Мы ныне учредить единожды навсегда при казанской гимназии для охотников класс того языка. [...]

Именные указы и рескрипты казанским губернаторам // ОРРК НБ им. Н. И. Лобачевского К(П)ФУ, № 4451, т. 1, л. 195.

Сведения об авторе

Долгов Евгений Борисович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: info-ite@mail.ru

About the author

Evgeniy B. Dolgov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: info-ite@mail.ru

В редакцию статья поступила 30.05.2024, опубликована:

Долгов Е. Б. Екатерина Великая и губернатор А. Н. Квашнин-Самарин: документы о путешествии императрицы в Казань в 1767 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2024. – № 3. – С. 47-74.

Submitted on 30.05.2024, published:

Dolgov E. B. *Ekaterina Velikaya i gubernator A. N. Kvashnin-Samarin: dokumenty o puteshestvii imperatricy v Kazan' v 1767 g.* [Catherine the Great and Governor A. N. Kvashnin-Samarin: the documents on the Empress's Journey to Kazan in 1767]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2024, no. 3, pp. 47-74.